

Из цикла «60-тикилограммовая книга»

Форкиады

В.Н. ЯИКОВ

Виктор Яиков

Форкиады

«Издательские решения»

Яиков В. Н.

Форкиады / В. Н. Яиков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-501122-0

Вторая повесть цикла «Форкиада» расширяет общие сюжетные линии цикла, показывая историю давно минувшей любви главного персонажа, профессора Федора Александровича. Рассматривая осложнённый вариант расстройства «Множественной личности», при котором одни из личностей теряют определенные физиологические способности, другие приобретают сверхспособности, героям повести приходится хорошенько покопаться в своем прошлом.

ISBN 978-5-00-501122-0

© Яиков В. Н.
© Издательские решения

Форкиады

Виктор Николаевич Яков

© Виктор Николаевич Яков, 2019

ISBN 978-5-0050-1122-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вторая повесть цикла «60-тикилограммовая книга»

Форкиады

Молодой парень старался как можно тише поставить на место пустое мусорное ведро. Задача непростая – быть незамеченным при уборке в квартире опытного оперативника, не разбудив при этом его, спящего в соседней комнате. Тот не должен догадываться, о хозяйничающих на кухне. Не должен заметить лишней души, ведь живет один, даже кот нет... В планах у паренька было обновить содержимое холодильника, вычистить мусор с кухни, протереть местами в квартире пыль. Подобные утренние уборки вовсе не акции новых «тимуровцев», то производилось в интересах науки. Естественно, медицинской науки, поскольку спящий хозяин жилища находился под наблюдением врачей. Он не буйный, просто ретроградная амнезия с хронологией в три десятка лет.

В зале сидел на стареньком уютном кресле профессор кафедры Московского медицинского университета Федор Александрович и, вяло посматривая на часы, думал о чем-то своем. Его студент Ваня, суеющийся на кухне, обычно справлялся неплохо. Уже неделю как профессор считал своим долгом иногда приходить на раннюю утреннюю подготовку самому. Причин несколько: студенты в последнее время исполняли подобные поручения кафедры спустя рукава, но более весомым служило желание профессора оценивать состояние пациента по вечерним следам в комнате спящего Навина. Не просто пациента, но давнего друга.

Неделю назад состояние пациента с тридцатилетним стажем стало меняться. И вину за это профессор отчего-то возлагал на себя. Хоть сторонний врач бы и сказал, что состояние Навина, наоборот, улучшается. Федор Александрович считал иначе – ведь после наблюдений душевной болезни на протяжении тридцати лет любое резкое изменение состояния, способно негативно сказаться на физическом здоровье пациента. Более того, профессор пытался понять, что послужило причиной начала такового выздоровления. В данном случае – возвращения памяти.

Ваня аккуратно закрыл дверцу под раковиной, правой рукой ловко держа пакет с собранным мусором. Полиэтиленовый пакет вовсе не экземпляр раритета, таким вещам не место в доме Навина. Отрабатывающий повинность кафедры студент не смог отказаться от удобств двадцать первого века в таких мелочах. А к «мелочам» присматриваться стоит! Ваня нашел на холодильнике записку, судя по всему, прикрепленную предшествующим дежурным-студентом. «Очнись, ты в игре!» Для написавших юных хулиганов это – шутка, но для проснувшегося пациента с полной потерей памяти – такая надпись фатальна. Хорошо, что Иван Князев заметил шалость вперед пациента Иисуса Навина. А иначе зачем это все? Уборка для пациентов на дому – какая глупость! Тут дело обстоит запутанней: ровно в полночь память Навина обнуляется, и после сна страдающий амнезией пациент пробуждается в осознании себя двадцатитрехлетним сержантом милиции в тысяча девятьсот восемьдесят пятом году. Любые расхождения с оставшейся в его памяти картиной мира внутри квартиры больно отдаются в его психике.

Осталось вытереть пыль с подоконника. Осторожно, не двигая закрытые шторы, парень протиснулся к окну. На улице только начало подниматься красное солнце ноябрьского рассвета, излишне подчеркивающее едкий цвет деревьев за калиткой. Сонный взгляд парня зацепил отражение в окне, где галлюцинацией, искажаясь в стекле, по двору к калитке прошел силуэт человека. Это длилось долю секунды, с какой-то непонятой неестественностью, но, тем не менее, правдоподобно. Синяя куртка с капюшоном, небрежно накинутая на старый свитер. Мужчина проскользнул относительно Ивана боком, оттого парень толком не разглядел его лица. Черные волосы, выдающиеся усы над верхней губой. Видение не убегало, оно шло своим чередом, не скрываясь. Калитка так и не отворялась. Иван несколько растерялся, пытаясь понять, куда делся тот усатый мужчина. Возможно, и вовсе не было никого во дворе; при виде лось невыспавшемуся студенту в лучах утреннего света, бьющих по глазам.

«Надо меньше смотреть глупых фильмов на ночь!» – подумал Ваня, закрыв на мгновение глаза. Вчера он с соседом по общежитию, несмотря на предстоящую раннюю отработку, засиделся за просмотром очередного «ужастика». Это святое – под Хэллоуин посмотреть в ночь жуть-жутчайшую. Такие фильмы нравились Ивану, и как начинающий ученый (в мечтах), он, конечно же, покопался в фибрах своего подсознания, дабы понять суть внутренних процессов, тревожащих душу. По его мало квалифицированному мнению, фильмы ужасов любят смотреть люди, склонные к ожиданию пессимистичных прогнозов. Через ужас творящегося на экране их внутреннее «я» высвобождает свою ущемленную страхом энергию, ликуя: «Вот, я же говорил! Этот ужас должен был случиться! И я оказался прав!». Ваня не был ярким пессимистом по жизни, но чувство тревоги в ожидании чего-то плохого в будущем постоянно присутствовало.

У сидящего в зале профессора была еще одна миссия. В связи с нестабильностью состояния пациента в последнее время, была угроза срыва операции «чистота в зачетку». На этот случай внезапного пробуждения старичок в кресле должен послужить объектом для отвлечения отступления (прятанья) наводящего порядок студента. Только куда уж в этой маленькой советской квартире прятаться, непонятно...

Среди курса ходила легенда про перебродивший кефир, разбудивший хозяина квартиры раньше плана, в разгар подобной студенческой уборки. От лишнего памяти «оперативника в отставке» тогда досталось всем – и группе отвлечения, и группе чистки. В тот раз профессор нашел вину за предыдущей сменой, несвоевременно обновившей продуктовый запас важного для науки пациента.

Сам Федор Александрович на такие «спецоперации» ходил крайне редко, полагаясь на добросовестность отрабатывающих неудовлетворительные оценки студентов. Лицам, в течение курса участвующим в подобной помощи кафедре, автоматически ставился зачет за курсовую работу. В таких случаях тема курсовой звучала так: «Ретроградная амнезия как один из случаев болезни Корсакова». И это не блажь старого профессора. Ученые умы института действительно следили за болезнью, отмечая необычность случая и ища ключи к человеческой памяти.

– Федор Александрович! – тихо прошептал студент на ухо профессору.

Старичок в кресле вздрогнул и, когда кратковременный испуг сменился осознанием реальности, поднял взор на нарушившего поток мыслей студента.

«Зачет парню за соблюдение режима скрытности», – отметил профессор бесшумное перемещение студента, а вслух тихо произнес:

– Закончил? Тогда пойдем.

За старой деревянной дверью послышался скрип. Пребывающий в счастливом неведении отсутствия памяти Навин должен вот-вот проснуться. За долгое время наблюдений профессор, как и множество поколений его учеников, изучили расписание организма пациента.

Аккуратно поднимая ноги, профессор со студентом вышли во двор. Вовремя смазанная дверь больше не шумела при закрывании. Оборот ключа – и миссия выполнена!

Ваня осмотрелся вокруг. Снаружи одноэтажного дома на несколько квартир не было не души. А значит, мужчина в синей куртке все же привиделся. На огороженной придомовой территории отсутствовали какие-либо постройки или времянки, позволяющие спрятаться. Не было и дыр в заборе.

«Надо больше спать!» – сделал вывод Ваня, вновь посмотрев в сторону профессора. Тот уже стоял у калитки и махал рукой.

– Уснул что ли там? – посетовал старик приглушенным голосом. – Скоро дождь начнется, поторопись!

Иван подошел к калитке и вновь обернулся.

– Причудилось чего? – старичок прищурил глаз, явно заподозрив что-то неладное. За несколько семестров его лекций Иван изучил такой взгляд. У профессора хорошо работала «чуйка».

– Показалось. Видел кого-то в окне, пока наводил порядок на кухне, – сам, осознавая никчемность упомянутого миража, студент вышел на асфальтированную улицу.

Федор Александрович в ответ лишь задумчиво кивнул головой.

Они прошлись вдоль засыпанной листвой улицы мимо ржавеющих советских авто. Упадок и депрессия витали в воздухе, и казалось, вот-вот прольются истеричным дождем слез. Слез с небес.

– Я сегодня в институте не появлюсь, – наконец нарушил рассветную тишину идущий впереди Федор Александрович. – Могу подвезти тебя до метро.

– Сегодня среда, – пробормотал Ваня. – У Вас по средам заседание...

– Не охота мне идти на эти заседания, – перебил его старичок и, чуть улыбнувшись, добавил: – Имеет же такой старый пень, как я, право на блажь!

В его голосе чувствовалась наигранная веселость. Профессора явно что-то гложило. Это не касалось Ивана, они хоть и сблизилась на некотором интеллектуально-духовном уровне, но некоторую субординацию профессор умел вокруг себя выстроить.

Особо близкие друзья (которых можно пересчитать на пальцах одной руки) знали, что за маской субординации кроется стремление ранимой души держать безопасное расстояние личного пространства.

Подобная замкнутость сыграла с Федором злую шутку в начале девяностых. Ходят слухи, как будучи красавцем в расцвете сил, Федор страдал от неразделенной любви к одной особе. Имени ее никто не помнит. Но та история вылилась в жуткую драму выяснения отношений. Какой-то из тех особо эмоциональных моментов изменил душу терапевта навсегда.

С тех пор работа – это его единственное увлечение до конца дней. Он ей не болел, он в ней лечился. А вместе с ним выздоравливали и прочие покалеченные души.

На носок кроссовка упала первая капля дождя. Ваня поднял нос к небу, оценивая возможность оказаться под ливнем. Серые тучи только начинали подтягиваться с запада, оставляя на востоке красное пятно для рассвета. С профессором, конечно, приятно побеседовать на авто в пути. Но от станции метро потом идти к институту еще добрых полчаса. Автобус высаживает намного ближе к общежитию, не придется мокнуть под дождем.

Профессор остановился перед синей «Ладой Калиной», ища в куртке ключи. В предрассветной тиши они оставили машину за пару кварталов от дома Навина. Того требовал разработанный протокол. Из открытой двери старик достал сотовый телефон и протянул его Ване. Оставлять приبلуды современности за калиткой дома Навина тоже было пунктом протокола.

Студент посмотрел на время в телефоне.

– Спасибо, Федор Александрович! Я доберусь на маршрутке. Тут прямая до общаги идет, – он махнул рукой в сторону шумевшей дороги.

– Как хочешь! – старик сел в машину и строго посмотрел исподлобья. – Князев, не опаздывай на лекцию Петра Сергеевича! Наши утренние практические курсовые занятия по работе с пациентами – не оправдание.

«Все-то он помнит, старый хрыч!» – отметил Ваня, ведь первой парой была лекция совсем не по кафедре психотерапии.

– Ок, Док! – Ваня повернул к тротуару, уходящему между двух сталинских пятиэтажек желтого цвета.

«Док», – просмаковал последнее слово Федор Александрович. С недавнего времени это обращение его задевало. Надо будет позвонить Марти, поинтересоваться судьбой его расследования. Только профессор боялся быть лишним, нетактичным в навязывании своего интереса вновь. Как выяснилось, не все его «эксперименты» одинаково полезны.

Иван Князев подошел к остановке и стал ждать своего автобуса. Одетый в серую куртку и джинсы, он немного съезжился. На улице чувствовалось скорое приближение зимы, темные тучи, что заходили с запада, несли последний в этом году ливень. Не только это доставляло ему дискомфорт: сама необходимость ждать была непривычна. Чувствовать время, следовать призыву судьбы, всегда ступать только на открытые тропы – кредо ленивых искателей истины, к коим относился Иван. Подойдя к перекрестку, такие люди пойдут туда, где загорится зеленый, и неважно, в каком направлении они до этого планировали двигаться, если ту дорогу запрещает красный цвет светофора. Эти люди заходят в первый понравившийся им магазин и берут книгу, сразу же попавшуюся им на глаза, а вечером, уже дома, извлекут из нее необходимый жизненный совет, что разрешит дилемму последних дней. Нет, это не люди счастья! Речь идет не о тех измученных удачей субъектах, что, приходя на распродажу, оказываются юбилейными посетителями, которых осыпают подарками. Это не те азартные люди, что срываю куш в казино. Он лишь однажды держал удачу за хвост, скомкав в руке лотерейный билет на миллион, – жаль последняя цифра не сошлась. Иван – той категории, которая оказывается там, где надо. Причем не только ему одному...

Еще не было и шести утра, а Иван уже непривычно для себя ждет автобус. В это время обычно спит, поскольку удачное расположение общежития, где обитает, позволяет неторопливо добраться на лекции в соседний корпус. Как жаль, что бывают такие утренние «практические занятия», из-за которых приходится менять свой привычный уклад жизни, сбивают сладкое время пробуждения. Но последнее можно компенсировать, подремав на парях.

Дождь усилился, барабанил по оставшимся на деревьях желтым листьям. Ваня то и дело включал экран телефона, посматривая на часы. Прошедшие десять минут ожидания он мог бы потратить более приятно, дремля в своей комнате. Как все-таки был прав профессор в своих прогнозах! Надо было ехать с ним до метро. Чувство тревоги, что гложет с самого посещения дома Иисуса Навина, разыгралось с новой силой. Иван встал не с той ноги сегодня, и поэтому весь день будет идти наперекосяк!

Вода с небес образовала грязные потоки у обочины дороги. Эти лужи постепенно расширялись, заполняя каждую ямку асфальта, а машины, проезжавшие по ним, порой создавали такие волны, что прохожие еле успевали отскакивать. Накопившаяся на крыше остановки вода стекала по металлическим краям, образуя сплошную стену.

Рассветную дремоту смыло с глаз студента. Помнится, в школьные годы он любил такую слякотную погоду. Ну и пусть везде слякоть и сыро, пускай даже не видно солнца, но зато на душе создается легкость. Кажется, что дождь смывает с тебя все твои беды и невзгоды. Для того чтобы познать умиротворение души, необязательно созерцать солнце и голубое небо – порой не обойтись без бури. Звук разбивающихся капель приносит облегчение. Вместо пугливого ожидания дождя, когда с опаской поглядываешь на небо, Ваня выбирает мгновенное ощущение дискомфорта от враз вымокшей одежды. Это не пессимизм, это чувство: «Скорей бы уже случилось, не томи!».

Довольное лицо Князева вешало пасмурному миру: «Ради такого стоит остановить мгновение». Ливень вводил в транс ритмом стучащих капель. Наступило спокойствие, но ненадолго... Его прервала старушонка, вошедшая на остановку. С руганью она прошла сквозь водную стену, намочившую ее с ног до головы. Чертыхнувшись, нарушительница спокойствия дошла до края остановки, по пути задев пару людей. Ваня окинул ее взглядом. Та в свою очередь встала рядом с ним и продолжала ворчать, оттряхивая грязь с одежды.

– Гадкий дождь! – бурчала старушка. – Все ноги промочила. Еще машина обрызгала, проклятый шофер, будь он не ладен. Мелкие людишки, несутся навстречу своей смерти...

Нельзя было без удивления смотреть на эту старушку. Взгляд ее мутных глаз бегал из стороны в сторону, будто ища жертву, а трясущийся подбородок придавал ей немного странный вид.

Подъехал автобус. Распахнутые двери – сигнал прячущейся под козырьком людской массе, тронуться с безопасных мест. Прежде чем попасть в долгожданный транспорт, необходимо покинуть зону комфорта, промокнуть под дождем. Пойти в испытание тем, что пугает.

Места хватило бы всем, но старушка ринулась вперед, расталкивая сядившихся пассажиров локтями.

Вскоре маршрутка тронулась, не оставив никого под ливнем. Суета пассажиров была излишней. К чему некоторые люди стремятся занять место под солнцем или, как в данном случае, под сухой крышей? Ради чего отстаивают свои места в длинной очереди за ограниченными ресурсами, лишая других такой возможности, и, самое главное, растрачивая еще более редкий и дефицитный ресурс – свою человечность? Нам не дано понять поколение, воспитанное во времена дефицита и голода. Поэтому Иван лишь отошел к окну, вежливым жестом руки уступая старушке путь к одному из свободных мест.

Дорога предстояла неблизкая, а с учетом утренних заторов на дорогах скорого прибытия ожидать не предстояло. Как и всегда в таких ситуациях, Иван принялся изучать лица. Это занятие развлекало его, добавляя красок в затянувшееся ожидание. К тому же, созерцание незнакомых образов помогало лучше разбираться в людях. О чем они думают, чем живут, куда стремятся? Порой одного взгляда человеку достаточно, чтоб ответить на все эти вопросы. Вот хмурый гражданин в кепке, жадно обхвативший свой чемодан – юный психотерапевт поставил диагноз, что большую ценность в жизни пассажиру представляют материальные блага. Вон тот товарищ привлек его внимание еще при посадке. Ничем не отличающийся внешне от остальной разношерстной толпы, он завораживал какой-то внутренней загадкой. Что в нем особенного? Взгляд, ровная осанка на фоне сгорбленных жизнью тел, сидящих рядом, или спокойное, чуть вытянутое лицо? Нет, было что-то еще. Нечто, чего Ивану пока не дано понять. Напротив входа сидела женщина, смотрящая строго перед собой. Ее спина держалась ровно, так пронзали титановым колом расходных персонажей в комиксах. Пыталась произвести впечатление влиятельной дамы в глазах окружающих, но тщетно – ее поджатые губки говорят о внутреннем страхе. Ее взгляд полон тоски и отчаяния. Что могло так опустошить тридцатилетнюю женщину, сидящую напротив него? Одетая по моде и весьма опрятно. Лицо не алкоголика, а глаза без остервенелости. Ярко выраженные веки обнимали низко посаженные глаза, ложась как белый шоколад на миндальный орех глазных яблок с карими цветами у зрачков. Эти глаза содержали в себе огромную тоску. Черные длинные волосы придавали лицу более вытянутый силуэт, удлинняя скулы с опущенной челюстью. Лицо женщины выражало обиду вселенского масштаба.

Она устала от жизни, не успев ее начать. Такие девушки, к старости становятся озлобленными старухами, проклинаящими машины и людей с металлическими сердцами.

Иван опустил взгляд ниже. Тонкая шея уходила к изящной груди, что внушительно топорщила плащ. Руки сложены на коленях, одна к одной. Кисти подчеркивали тонкие пальцы. Понятно, на правой руке нет кольца – значит, она не замужем и дома ее никто не ждет. Некому

сказать ей пару теплых слов на пороге, а вечером поблагодарить за вкусно приготовленный ужин. Никому не нужный человек? Это только догадки, а Князев – не Шерлок Холмс. Возможно, в иной Вселенной Князев стал бы писателем, а не психотерапевтом – и тогда, вместо изучения диагнозов, придумывал бы сам путь людей к своим болезням.

Раздумья Ивана оборвались от резкого визга тормозов. Пассажиры встрепенулись от своих электронных футляров и тотчас уставились в окна, пытаясь определить причину инцидента. о их терзавшую. на глаза, а вечером, уже дома, извлекут

Долго гадать не пришлось. На дороге стояли две столкнувшиеся машины, они и были причиной незапланированной остановки.

Один из водителей, залитый кровью, лежал на руле своего автомобиля. Второй же, выйдя из своего разбитого сокровища, осматривал себя. Покореженный металл слился с дымом, в воздухе пахло чем-то противным. Вокруг аварии уже собрались люди, им было интересно посмотреть на чужое горе и на то, как, истекая кровью, умирал на руле человек. Вокруг слышались только удивленные возгласы.

– Так тебе и надо! – пробурчала старушонка, наблюдая из окна автобуса за тем, что происходило на улице. Сказав это, она поправила свой старый коричневый плащик и отвела взгляд от места происшествия. Иван смотрел на нее в недоумении. Она смогла дожить до такого состояния переполнения гневом. «Неужели можно быть таким человеком? От чего в ней столько злости?» – злобная сущность старушки не давала покоя Князеву. В том ли водителе узнала она недавно обрызгавшего у автобусной остановки? Если спросить, рассказала бы трагичную историю десятилетней давности, о гибели ее дочери под колесами. Вздор! Не было никакой дочери, то лишь фантазии Князева. Старушка по соседству в автобусе – просто озлобленный на весь мир человек. Зло в прямой сущности без опор на обстоятельства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.